

К началу 80-х годов, когда вновь столь обострилась ядерная угроза, молодежный бунт как цельное политическое явление уже исчерпал себя и растекся по самым разным направлениям. Большинство его участников интегрировалось в буржуазное общество.

Численно очень небольшая, но очень агрессивная часть ушла в террористическое подполье. Часть положила начало новым социальным движениям, и, наконец, небольшое число наиболее последовательных в своей антибуржуазности «шестидесятников» вошло в ряды коммунистических и рабочих партий. Современные антивоенные движения оказались перед необходимостью наведения мостов между различными социальными слоями заново, и основной комплекс идей контркультуры в той ее форме, в которую она отлилась к концу 60-х годов, не мог играть здесь политически мобилизующей роли.

В истории бунта и созданной им контркультуры устойчиво прослеживается соперничество разнонаправленных тенденций — к последовательной борьбе против самых основ буржуазного общества и к мистическому бегству в «иное», к развитию разносторонних гражданских инициатив и к инфантильному культу собственных желаний, напоминающему о том герое Достоевского, который провозглашал: «Свету ли провалиться или вот мне чаю не пить? Я скажу, что свету провалиться, а чтоб мне всегда чай пить».